

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2017. Том 3. № 4

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60412 выдано 29 декабря 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Г. Ф. Шафранов-Куцев, академик РАО, д. филос. н.

Заместители главного редактора:

М. М. Акулич, д. с. н., проф., *В. И. Осейчук*, д. ю. н., проф.,

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Контактная информация:

Объединенная редакция
научных журналов «Вестник ТюмГУ»

625003, г. Тюмень
ул. Республики, 9, каб. 100
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ (3452) 59-74-32

Подписка на печатную версию журнала:

Каталог Российской прессы
(индекс 31915)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2017
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

Шафранов-Куцев Г. Ф.
Некоторые тенденции развития
российского высшего образования
в цифровую эпоху 8

Казьмерчик Е., Вырва Й.
Избранные показатели
удовлетворенности работой:
сравнительный анализ польских
и российских банков 19

Акулич М. М., Ильина И. В.,
Хузахметов Р. Р.
Российская интеллигенция:
новые контуры идентичности 41

Смолева Е. О.
Взгляды населения Северо-Западного
федерального округа на проблему
социальной уязвимости 57

Мартыщенко С. Н.,
Мартыщенко Н. С.
Методы повышения
эффективности онлайн-опросов,
используемых для анализа
социально-экономических
процессов 71

Печёркина И. Ф.
Детерминанты протестных
настроений 86

Когай Е. А., Хорошилова А. В.
Тенденции инновационного
развития малых предприятий
регионов Центрального
Черноземья 98

ПРАВО

Ключников А. Ю.
Судебные решения международных
судов как средство определения
существования норм
международного права 109

Колмаков С. Ю.
Особенности организации
и проведения публичных
мероприятий в странах
постсоветского пространства 118

Раманкулов К. С.
К вопросу о некоторых
преобразованиях в области
правового регулирования
охраны труда (на примере
Кыргызстана и России) 129

Ульянов Д. В., Усманова Л. Ф.
К вопросу о понимании
гражданско-правового режима
земельного участка 140

Прокопова А. А., Карасев Р. Е.
Национальная идея:
какой она должна быть? 153

Тарасевич И. А.
О противоречии статей 35 и 282.1
Уголовного кодекса России
в контексте определения
преступного сообщества 168

Жвавый П. С., Добрынин Н. М.
**К вопросу о преодолении
правового нигилизма
в современной России**.....182

ЭКОНОМИКА

Васильева Е. Е.
**Оценка региональной
дифференциации
кредитного риска банковской
деятельности в России**199

Симонова Л. М., Качур А. М.
**Особенности международных
совместных предприятий
в XXI веке**220

Ласточкина М. А.
**Модернизация — глобальное явление
и международная тенденция**237

Кадничанская М. И., Галкина Е. П.
**Проблемы развития
трудового потенциала и ресурсов
в контексте государственной
политики региона (на примере
Ульяновской области)**256

Иван Анатольевич ТАРАСЕВИЧ¹

УДК 343.01

**О ПРОТИВОРЕЧИИ СТАТЕЙ 35 И 282.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА**

¹ старший научный сотрудник,
Экспертный научный центр противодействия
идеологии экстремизма и терроризма,
Тюменский государственный университет
ioann@ruweb.net

Аннотация

Автор статьи анализирует некоторые проблемы в области уголовно-правового инструментария по борьбе с преступлениями экстремистской направленности. В частности, констатирует факт несовершенства действующего УК РФ в дефинитивной плоскости, выражающегося в том, что на сегодняшний день в рамках Уголовного закона фактически утрачено единство терминологического аппарата. В данном контексте автор обращает внимание на ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» УК РФ и отмечает, что предлагаемое в ч. 1 данной статьи определение экстремистского сообщества противоречит нормам ст. 35 УК РФ «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)», что и составляет основное проблемное поле данного исследования. Ключевая цель предлагаемой работы заключается в исследовании данного противоречия, а также в выработке предложений по его преодолению.

Новизна проведенного исследования состоит в авторском подходе к устранению выявленного противоречия, который носит комплексный характер и включает как

Цитирование: Тарасевич И. А. О противоречии статей 35 и 282.1 Уголовного кодекса России в контексте определения преступного сообщества / И. А. Тарасевич // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 4. С. 168-181.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-168-181

совершенствование дефиниций Общей части Уголовного закона, так и структуры УК РФ в целом.

Соответственно, основными методами исследования явились системный и логического анализа. В статье сделаны предложения по формулировкам ключевых уголовно-правых определений, что было бы невозможно без использования таких методов, как синтез, абстрагирование и конкретизация, аналогия и моделирование. Также в предлагаемом исследовании применялись такие эмпирические методы, как формально-юридический анализ нормативных актов и литературы, изучение и обобщение научной теории и иные.

В статье предлагается поместить в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» четкое указание на то, что положения данного закона не подлежат расширительному толкованию, а также не могут быть использованы при квалификации любых преступных деяний, предупредив тем самым методологические ошибки в процессе формулирования уголовных законоположений.

Ключевые слов

Экстремистское сообщество, преступное сообщество, террористическое сообщество, экстремизм, терроризм, объект преступления, квалификация преступлений, общественная опасность, Уголовный закон.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-168-181

Введение

В настоящее время борьба с экстремизмом в России является одной из основных задач, стоящих перед всеми представителями государственной власти и местного самоуправления. Фактически, противодействие всем формам экстремизма входит в число основных приоритетов деятельности всего российского общества, что получило отражение в документах программного характера¹. Российское законодательство имеет целый блок норм, регулирующих общественные отношения по поводу противодействия экстремистской деятельности. Естественно, что такие нормы, как и многие другие, не лишены недостатков. Задачей научного сообщества в тесном взаимодействии с практиками является выявление таких недостатков и выработка на надежной научной и методологической базе предложений по их устранению. Такие задачи решаются целым рядом научных учреждений по всей стране, одним из которых является Экспертный научный центр противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета [2].

¹ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) // Опубликован не был, доступ из СПС Консультант+; Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Сегодня в научной и публицистической литературе имеется огромное количество критических публикаций по поводу несовершенства отечественного законодательства в сфере противодействия экстремизму. Мы же в данной статье предлагаем свой взгляд по данной проблематике. В настоящем исследовании мы подвергнем анализу некоторые проблемы в области уголовно-правового инструментария по борьбе с экстремистскими преступлениями, которые, с нашей точки зрения, наиболее существенны.

Основная часть

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее в тексте — УК РФ) своими нормами регулирует важнейшие общественные отношения, в частности, непосредственно касающиеся права человека на жизнь¹. В связи с этим, требования к формулированию уголовно-правовых норм и их соотношению внутри уголовного закона традиционно были очень высокими. Необходимо констатировать факт **несовершенства действующего УК РФ в дефинитивной плоскости**, на что специалисты-правоведы указывали практически со времени его принятия [3, 5, 7, 9, с. 140, 10, 11]. Единство терминологического аппарата фактически утрачено. Содержание того или иного термина порою существенно разнится от нормы к норме, что является серьезным изъяном в области юридической техники. Можно говорить даже о том, что на сегодняшний день с утратой единообразия уголовного закона в дефинитивной плоскости поставлена под угрозу системность УК РФ как таковая. Определения, используемые в УК РФ, должны быть едиными для всех уголовно-правовых норм, а также исключать свое неоднозначное толкование.

Так, УК РФ содержит ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества». Предлагаемое в ч. 1 данной статьи определение экстремистского сообщества представляется нам некорректным, так как противоречит нормам ст. 35 УК РФ «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)». Соотношение указанных норм приведено в таблице 1. Для удобства анализа диспозиции норм разбиты на отдельные смысловые части.

В представленной таблице мы видим, что в своей первой смысловой части диспозиция ч. 1. ст. 282.1 в целом соответствует пониманию преступного сообщества, зафиксированному ч. 4 ст. 35 УК РФ (Нужно отметить, что законодатель рассматривает экстремистское сообщество и преступное сообщество (преступную организацию) как тождественные, что следует из ч. 5 ст. 35 УК РФ, также данное тождество подчеркивают и некоторые исследователи [12, с. 158]). Хотя, на первый взгляд, ч. 1 ст. 282.1 полностью уравнивает сообщество и группу, что, на наш взгляд, является некорректным. Но далее в тексте видно, что законодатель имеет ввиду именно структурированную группу, что следует из второй части формулировки диспозиции: «...руководство таким экстремист-

¹ УК РФ до сих пор закрепляет смертную казнь в качестве вида наказания (п. «н» ст. 44).

Таблица 1

Сравнение ч. 1 ст. 282.1 УК РФ
и ч. 4 ст. 35 УК РФ

Tabl 1

The comparison of part 1 in article
282.1 of RF Criminal Code and part 4
in article 35 of the same code

Часть 1 статьи 282.1 УК РФ	Часть 4 статьи 35 УК РФ
Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями,	Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой
	или объединением организованных групп, действующих под единым руководством,
	члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений
	для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды
а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности	

ским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество *структурными* подразделениями».

На наш взгляд, такой признак, позволяющий идентифицировать организованную группу в качестве преступного сообщества как структурированность, **нужно было бы сформулировать более рельефно**. Такое заключение мы делаем, исходя из того, что ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ закреплено четкое различие между сообществом и организованной группой¹, а степень общественной опас-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. 2010. № 130.

ности сообщества, безусловно, определяется как более высокая по сравнению с организованной группой. Формулировки же норм Особенной части УК РФ должны предоставлять правоприменителю полную возможность по безошибочной квалификации того или иного деяния, что подразумевает четкость терминологического аппарата.

В последующих же смысловых частях рассматриваемых диспозиций наблюдается **полное несоответствие между дефинициями преступного сообщества**, фиксированными ч. 1 ст. 282.1 и ч. 4 ст. 35 УК РФ. Ч. 4 ст. 35 УК РФ в смысле преступного сообщества (преступной организации) определяет не только структурированную организованную группу, но и группирование «организованных групп, действующих под единым руководством». Формулировка же ч. 1 ст. 282.1 такого признака не содержит. **Соответственно, создание экстремистского сообщества в конфигурации нескольких организованных групп, действующих под единым руководством, в соответствие с данной нормой криминальным не является.** Хотя такая форма создания преступного сообщества, по нашему мнению, вполне вероятна.

Проводя сравнительный анализ далее, мы обнаружим, что в диспозиции ч. 4 ст. 35 УК РФ содержится признак преступного сообщества (преступной организации), определяемый как цель, которая заключается в совместном совершении одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений. **Но данный признак также отсутствует в формулировке диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ.** Хотя, на первый взгляд, здесь нет никакого серьезного несоответствия, так как большинство преступлений экстремистской направленности относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям. Но все же достаточное количество составов преступлений экстремистской направленности относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести: ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 214 — небольшой тяжести; ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 244, как и сама ч. 1 ст. 282, — средней тяжести. Можно констатировать наличие еще одного существенного противоречия между определениями преступного сообщества, закрепленными ч. 1 ст. 282.1 и ч. 4 ст. 35 УК РФ¹.

Следующий недостаток юридической техники при формулировании диспозиции ч. 1 ст. 282.1 мы видим в том, что не было обращено должного внимания на наличие в структуре ч. 4 ст. 35 УК РФ такого признака преступного сообщества (преступной организации), как «получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» в качестве результата деятельности субъекта преступления. **Такой признак опять же отсутствует в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, результатом чего стало серьезное ограничение сектора квалифи-**

¹ В данных составах присутствует такой квалифицирующий признак, как совершение деяния «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», а значит, указанные правонарушения могут быть квалифицированы как преступления экстремистской направленности.

кации некоторых деяний как совершенных преступным сообществом (организованной группой), так как при формировании экстремистского сообщества приобретение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды ведущим мотивом не является, уступая место мотивам религиозного или идеологического плана.

Вероятно, осознавая данное противоречие, законодатель ввел в ст. 35 УК РФ ч. 5, в соответствии с которой, по его мнению, стало возможным квалифицировать деяния, описанные ч. 1 ст. 282.1 УК РФ как совершенные преступным сообществом (организованной группой). Но такую законодательную конструкцию можно и нужно рассматривать только как **своеобразную подпорку**, доказывающую серьезные ошибки в проектировании всего здания Уголовного закона. Того закона, который должен строиться на не менее твердой научной, методологической и организационной базе, чем Основной закон государства.

Но несоответствие между рассматриваемыми нами нормами не исчерпывается наличием дополнительных признаков преступного сообщества (преступной организации) в ч. 4 ст. 35, которые отсутствуют в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ. В свою очередь, **ч. 1 ст. 282.1 УК РФ содержит признаки экстремистского сообщества, отсутствующие в определении преступного сообщества (преступной организации), фиксированного ч. 4 ст. 35 УК РФ**. В частности, это «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности».

Как нами было продемонстрировано, имеется существенное терминологическое противоречие между ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 282.1 УК РФ. В диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ отсутствует целый ряд признаков преступного сообщества, зафиксированных ч. 4 ст. 35 (группирование организованных групп, действующих под единым руководством; в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений; для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды). Можно сделать вывод, что **наименование ст. 282.1 не соответствует содержанию**¹. Но рассматривать деяние, которое описано диспозицией ч. 1 ст. 282.1 УК РФ в качестве создания группы лиц по предварительному сговору организованной группы, также нельзя, так как в данной норме упоминаются такие признаки, как структурированность, а также «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества»,

¹ Наше утверждение справедливо хотя бы потому, что в заглавии ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» отсутствует указание на ответственность за участие в таком сообществе. В тоже время в УК РФ имеются ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Здесь мы видим как минимум отсутствие единообразия в процессе формулирования уголовно-правовых норм, а значит, методологические изъяны такой работы.

что в плане уровня общественной опасности деяния все же более характерно для сообщества.

Конечно, можно привести диспозицию ч. 1 ст. 282.1 УК РФ в соответствие с ч. 4 ст. 35. Для этого необходимо в диспозицию ч. 1 ст. 282.1 УК РФ после слова «то есть» вместо слов «организованной группы лиц» внести фразу «структурированной организованной группы или объединения организованных групп». Но в этом случае формирование группы лиц по предварительному сговору, организованной для совершения преступлений экстремистской направленности, криминализации иметь не будет, как, фактически, не имеет и сейчас, что можно считать существенным упущением. Нужно четко осознавать, что такие решения будут носить тактический характер и представлять собою своеобразное «латание дыр», между тем как вопрос уголовно-правового регулирования общественных отношений по поводу экстремистских проявлений требует стратегического подхода и внесения в УК РФ более глубоких по своим масштабам корректировок.

Прежде всего, возникает вопрос о том, что побудило законодателя расположить ст. 282.1 именно в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти»? С нашей точки зрения, преступление, описанное диспозицией ст. 282.1 (ст. 280, 282, 282.2, 282.3), по своему объекту существенно отличается от других составов, расположенных в данной главе. Объект состава, описанного ст. 282.1, не распространяется на конституционный строй, а угроза описанных в статье деяний для государства, по нашему мнению, сопоставима в объектном измерении с угрозой деяния, описанного ч. 1 ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем»¹. Мы можем предположить, что, решая вопрос о дислокации ст. 282.1 (и других смежных) в системе Уголовного закона, законодатель руководствовался определением экстремизма, закрепленного ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Но данное определение не соответствует определению экстремизма, которое дано в УК РФ, следовательно, **экстремизм не посягает на конституционный строй России.**

Подчеркнем, что определение экстремизма, закрепленное ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», никоим образом не может влиять ни на структуру Уголовного закона на стадии его формулирования, ни на квалификацию каких-либо преступлений в процессе правоприменения.

К теме влияния положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на регулирование уголовно-правовых отношений мы вернемся в данной статье несколько позже. Здесь же мы готовы заключить, что ст. 282.1 УК РФ

¹ Здесь нужно заметить, что наши выводы о несоответствии формулировки преступного сообщества, закрепленного ч. 1 ст. 282, определению преступного сообщества, данному ч. 4 ст. 35 УК РФ, справедливы и касательно ч. 1 ст. 205.4. «Организация террористического сообщества и участие в нем».

(ст. 280, 282, 282.2, 282.3 УК РФ) логичнее было бы расположить параллельно со ст. 205.4 УК РФ в главе 24 раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

По нашему убеждению, экстремистское и террористическое сообщества нужно рассматривать как видовые по отношению к родовому, каким является преступное сообщество. Наша точка зрения косвенно подтверждается тем, что определение преступного сообщества, данное законодателем в ч. 1 ст. 210, в целом, за исключением отдельных нюансов, соответствует определению, содержащемуся в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Соответственно, такие составы, как «Организация экстремистского сообщества» и «Организация террористического сообщества и участие в нем», должны быть включены в ст. 210 УК РФ.

Но при этом некриминализованным останется создание для подготовки либо совершения тяжких, либо особо тяжких преступлений экстремистской или террористической направленности группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. По нашему мнению, такие преступления, безусловно, имеют более высокую степень общественной опасности, чем преступления, совершаемые по иным мотивам (например, с целью получения финансовой или иной материальной выгоды), а значит, была бы целесообразна формулировка соответствующих составов и размещение их в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Но на пути приведения к «общему знаменателю» норм, закрепленных не только ч. 4 ст. 35, ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, но и ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 210 УК РФ¹, имеется еще одно существенное препятствие. Оно заключается в наличии в ч. 4 ст. 35 УК РФ цели, заключающейся в получении «прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Но такой признак, как мы указывали выше, как правило, вообще отсутствует при совершении преступлений экстремистской направленности либо не является ведущим, а значит, указанная норма, закрепленная ч. 4 ст. 35 УК РФ, основанием для квалификации деяний как совершенных в рамках ст. 282.1 УК РФ быть не может.

Оптимальным, на наш взгляд, решением данной правовой коллизии было бы **изъятие из формулировки ч. 4 ст. 35 УК РФ указания на такую цель, как получение «прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»**. Тем более, что логичного объяснения необходимости существования данной формулировки в рассматриваемой норме мы в научной литературе не находим. Такая корректировка фактически позволила бы отказаться и от ч. 5 ст. 35 УК РФ.

¹ По большому счету в данное перечисление нужно включать ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», так как субъекты этих составов создают по своей сути те же преступные сообщества, которые можно рассматривать как видовые по отношению к преступному сообществу (преступной организации) как таковому (ст. 210 УК РФ).

Мы поддерживаем позицию тех ученых, которые считают, что все уголовно-правовые дефиниции должны располагаться в Общей части Уголовного закона [8, с. 23]. Нормы же Особенной части УК РФ ни в какой степени не должны противоречить данным определениям. Такой детерминизм, на наш взгляд, способен гарантировать системность Уголовного закона, без которого практически невозможно достижение реализации принципа справедливости, который закреплён нормами ст. 6 УК РФ. В тоже время практика диктует необходимость перманентной модернизации ключевых определений, расположенных в Общей части УК РФ.

В частности, целесообразным было бы дополнить ч. 4 ст. 35 УК РФ признаком, содержащимся в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений». Такое дополнение, безусловно, существенно расширило бы объём диспозиции статей, призванных противодействовать созданию различных видов преступных сообществ включая террористические и экстремистские.

Ч. 4 ст. 35 «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» возможно было бы изложить следующим образом: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, а равно объединением организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений таких групп, в целях разработки планов и (или) условий для совершения таких преступлений».

Заключение

В качестве заключения необходимо обратить внимание на некоторые правовые проблемы существования и применения ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Прежде всего, нужно отметить нецелесообразность использования в данном законе самого понятия «экстремистская деятельность», так как ранее оно было сформулировано в рамках Уголовного закона и применялось в его целях. На сегодняшний день объёмы данного понятия в ФЗ и УК РФ далеко не совпадают, что часто оборачивается трудноразрешимыми коллизиями. Необходимо подчеркнуть, что ни в России, ни за рубежом на сегодня нет четкой и обоснованной дефиниции самого понятия «экстремизм» [6], что не может не угрожать реализации прав и законных интересов человека и гражданина.

Официальное определение экстремистской деятельности имеет тенденцию к постоянному расширению, что грозит появлением в законодательстве России

своеобразной ст. 58 «Контрреволюционная деятельность», входившей в состав Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Напомним, что деяния, которые возможно было квалифицировать по этой статье, не имели четкого описания, что обернулось человеческой трагедией в общегосударственных масштабах.

На сегодняшний день, определение экстремистской деятельности, содержащееся в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», по нашему мнению, фактически, представляет собою бессистемный перечень общественно вредных и опасных деяний. При этом мы полностью присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают, что не существует убедительного научного обоснования того, почему в данный перечень включены именно эти деяния [1]. Некоторые специалисты в области уголовного права в своих работах при обосновании места расположения в Уголовном законе статей 205.4 и 282.1 апеллируют к определению экстремизма, закрепленного нормами этого закона [4, с. 127], что, на наш взгляд, является грубой методологической ошибкой. Сегодня, как минимум, необходимо в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» поместить четкое указание на то, что положения данного закона не подлежат расширительному толкованию, а также не могут быть использованы при квалификации любых преступных деяний, установив тем самым ясную грань между значением данного нормативно-правового акта для уголовной и других отраслей права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов Е. В. Закон о противодействии экстремизму: слово и дело / Е. В. Белоусов, Р. А. Шаряпов // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы формирования и развития системы непрерывного образования населения в области противодействия политическому экстремизму и терроризму на Северном Кавказе», 23-24 июня 2011 года, г. Махачкала. Махачкала: Лотос, 2011. С. 139-150.
2. Загвязинская О. А. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27–28 сентября 2016 г.) / О. А. Загвязинская // Национальный антитеррористический комитет, Департамент образования г. Москвы, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Моск. ин-т открытого образования. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 92-100.
3. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М. А. Кауфман // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92-101.
4. Клименко Ю. А. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации / Ю. А. Клименко // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 123-129.
5. Кострова М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ / М. Б. Кострова // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 80-88.

6. Макаров А. В. Терроризм и экстремизм: современное понимание и актуальные проблемы / А. В. Макаров, М. В. Чумаченко // Юридический мир. 2016. № 2. С. 49-53.
7. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. № 5205 (126).
8. Пишина С. Г. Правоинтерпретационные ошибки: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С. Г. Пишина. Н. Новгород, 2000. 176 с.
9. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / И. А. Тарасевич. Тюмень, 2014. 376 с.
10. Тихонова С. С. Дефиниции в уголовном законодательстве Российской Федерации: способы построения и правила юридико-технического оформления / С. С. Тихонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 194-200.
11. Тихонова С. С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ / С. С. Тихонова // Юридическая наука и практика. 2013. № 22. С. 171-174.
12. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С. Н. Фридинский. М., 2011. 366 с.

Ivan A. TARASEVICH¹

**ON THE CONTRADICTION OF ARTICLES 35 AND 282.1
OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF THE DEFINITION
OF A CRIMINAL COMMUNITY**

¹ Senior Research Associate,
Expert Scientific Center for Counteraction
to Ideology of Extremism and Terrorism,
University of Tyumen
ioann@ruweb.net

Abstract

In this article, the author analyzes some issues of criminal legal means for combating extremist crimes. In particular, he mentions that the working criminal code of Russia has problems in the sphere of definitions. To this date, the Criminal Law has effectively lost the unity of terminology. In this context, the author draws attention to the article 282.1 “Organization of an extremist community” of the Criminal Code of Russia. The definition of an extremist community proposed in part 1 of this article contradicts the norms of the article 35 of the Criminal Code of Russia “Committing an offense by a group of individuals, a group of persons by prior agreement, an organized group or a criminal organization (criminal organization)”. This is the main problem field of research, which this article aims to solve. The author provides a comprehensive solution to the problem, which includes the improvement of the definitions of the General Part of the Criminal Law, as well as the general structure of the Russian Criminal Code.

Accordingly, the author employs such methods as system and logical analysis. The article proposes formulations of the main criminal-right definitions, which has required such methods, as synthesis, abstraction and specification, analogy and modeling. Besides that, the author has also utilized the following empirical methods: formal legal analysis of normative acts and literature, study and generalization of scientific theory, among others.

Citation: Tarasevich I. A. 2017. “On the Contradiction of Articles 35 and 282.1 of the Criminal Code of Russia in the Context of the Definition of a Criminal Community”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 4, pp. 168-181.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-168-181

In conclusion, the author proposes to add to the federal law “On Countering Extremist Activity” that the provisions of this law are not subject to broad interpretation, nor they can be used to qualify criminal acts. This will exclude methodological errors in the process of formulating criminal laws.

Keywords

Extremist community, criminal community, terrorist community, extremism, terrorism, object of crime, qualification of crimes, public danger, Criminal law.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-168-181

REFERENCES

1. Belousov E. V., Sharyapov R. A. 2011. “Zakon o protivodeystvii ekstremizmu: slovo i delo” [Law on Counteraction to Extremism: Word and Deed]. Proceedings of the conference “Aktual'nye problemy formirovaniya i razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya naseleniya v oblasti protivodeystviya politicheskomu ekstremizmu i terrorizmu na Severnom Kavkaze” (23-24 June 2011, Makhachkala), pp. 139-150. Makhachkala: Lotos.
2. Zagvyazinskaya O. A. 2016. Proceedings of the 3rd All-Russian Research Conference “Protivodeystvie ideologii terrorizma i ekstremizma v obrazovatel'noy sfere i molodezhnoy srede” [Counteraction to the Ideology of Terrorism and Extremism in the Educational Sphere and the Youth Environment] (27–28 September 2016, Moscow), pp. 92-100. Moscow: MGIMO-Universitet; Natsional'nyy antiterroristicheskii komitet, Departament obrazovaniya g. Moskvyy, Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnosheniy (un-t).
3. Kaufman M. A. 2016. “Pravotvorcheskie oshibki v ugovnom prave” [Lawmaking Errors in Criminal Law]. Zhurnal rossiyskogo prava, no 9, pp. 92-101.
4. Klimenko Yu. A. 2016. “Organizatsiya ekstremistskogo soobshchestva (st. 282.1 UK RF): ob"ekt prestupleniya i ego znachenie dlya kvalifikatsii” [Organization of the Extremist Community (Article 282.1 of the Criminal Code): The Object of the Crime and Its Significance for Qualification]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, no 3, pp. 123-129.
5. Kostrova M. B. 2003. “Definirovaniye ponyatiy i terminov, ispol'zuemykh v UK RF” [Defining the Concepts and Terms Used in the Criminal Code]. Zhurnal rossiyskogo prava, no 12, pp. 80-88.
6. Makarov A. V., Chumachenko M. V. 2016. “Terrorizm i ekstremizm: sovremennoe ponimanie i aktual'nye problemy” [Terrorism and Extremism: Contemporary Understanding and Actual Problems]. Yuridicheskiy mir, no 2, pp. 49-53.
7. Rossiyskaya gazeta. 2010. “Oshibki v Ugolovnom kodekse” [Errors in the Criminal Code]. Rossiyskaya gazeta, no 5205 (126).
8. Pishina S. G. 2000. “Pravointerpretatsionnye oshibki: problemy teorii i praktiki” [Interpreting Errors: Problems of Theory and Practice]. Cand. Sci. (Jur.) diss. abstract. Nizhny Novgorod.

9. Tarasevich I. A. 2014. "Konstitutsionno-pravovye osnovy religioznoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Constitutional and Legal Bases of Religious Security of the Russian Federation]. Dr. Sci. (Jur.) diss. Tyumen.
10. Tikhonova S. S. 2009. "Definitcii v ugovnom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii: sposoby postroeniya i pravila yuridiko-tekhnicheskogo oformleniya" [Definitions in the Criminal Legislation of the Russian Federation: Ways of Construction and Rules of Legal and Technical Design]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, no 2, pp. 194-200.
11. Tikhonova S. S. 2013. "O kachestve sovremennogo ugovnogo zakona: yuridiko-tekhnicheskii aspektnovellizatsii UK RF" [On the Quality of Modern Criminal Law: The Legal and Technical Aspects of the Russian Revolutionary Federation]. Yuridicheskaya nauka i praktika, no 22, pp. 171-174.
12. Fridinskiy S. N. "Protivodeystvie ekstremistskoy deyatelnosti (ekstremizmu) v Rossii (sotsial'no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie)" [Counteraction of Extremist Activity (Extremism) in Russia (Social, Legal and Criminological Research)].